

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ГОРИЗОНТЕ ДВУХ ПАРАДИГМ ПОЛИТИЧЕСКОГО: «ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ» И «АВТОМАТИЗМ ПРАВИЛ»

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представительная демократия нуждается в эффективном механизме политической репрезентации; *очевидный* кризис классической («миметической») модели репрезентации обуславливает актуальность двух исследовательских задач: во-первых, определения *условий* названной очевидности и, во-вторых, изучение *способов* преодоления кризиса. В современной западной философии Ф. Р. Анкерсмит обосновывает концепцию «эстетической политической репрезентации», изучение смысла и условий действительности которой является целью данного исследования.

Процедура и методы. Философское истолкование, нацеленное на обретение «радикального» (т. е. «метафизического») *понятия*, в котором *совмещаются* реальное и действительное (К. Шмитт, М. Хайдеггер), является способом исследования в случаях, когда речь ведется о *смысле* и *границах*.

Результаты. В ходе работы в горизонте двух парадигм политического западной политической онтологии выявлены основные характеристики двух способов репрезентации, миметической и эстетической, определены *условия возможности* для каждой из них, обоснован вывод, что *представление* политического в либеральной версии экономической парадигмы политического *требует* исключения *олицетворений* в пользу «безличного автоматизма правил».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результатом исследования выступает выявление границ «области значения» двух *противоположных* систем политической репрезентации, представленных в статье как «радикальные понятия»; определены специфические *задачи*, которые решаются эстетической политической репрезентацией Ф. Р. Анкерсмита, концепция которой выстраивалась, по определению её автора, «для спасения западной представительной демократии».

Ключевые слова: репрезентация, народ, парадигма политического, олицетворение, «либеральная метафизика», политический порядок

POLITICAL REPRESENTATION IN THE HORIZON OF TWO PARADIGMS OF THE POLITICAL: "PERSONIFICATION" AND «AUTOMATISM OF THE RULES»

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov,
46 Kostyukov ul., Belgorod, Belgorod region, 308012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the meaning and the conditions of the reality. Representative democracy needs an effective mechanism of political representation. The obvious crisis of the classical («mimetic») model of representation determines the relevance of two research tasks: firstly, determining the conditions of the evidence mentioned and, secondly, studying ways to overcome the crisis. In modern Western philosophy, F.R. Ankersmit substantiates the concept of «aesthetic political representation», the study of the meaning and conditions of reality of which is the purpose of this article.

Methodology. Philosophical interpretation, aimed at finding a «radical» (that is, «metaphysical») concept, which combines the real and the actual (K. Schmitt, M. Heidegger), is a way of research in cases when it comes to meaning and boundaries.

Results. In the course of the work, in the horizon of the two paradigms of political Western political ontology, the main characteristics of the two ways of representation, mimetic and aesthetic, were identified. The conditions of opportunity for each of them are determined. The conclusion is substantiated about the representation of the political in the liberal version of the economic paradigm of the political requires the exclusion of personifications in favor of the «impersonal automatism of the rules»

Research implications. The result of the research is the identification of the boundaries of the «area of meaning» of two opposite systems of political representation, presented in the article as «radical concepts». Specific tasks are determined that are solved by F. R. Ankersmit's esthetic political representation, the concept of which was worked out, according to its author's definition, «to save Western representative democracy».

Keywords: representation, people, paradigm of the political, embodiment, «liberal metaphysics», political order.

Введение

Концепция «эстетической политической репрезентации», выдвинутая в начале 2000-х гг. Ф. Р. Анкерсмитом [6], и выстроенная, по утверждению её автора, таким образом, чтобы решить задачу «спасения демократии», актуализировала проблему «кризиса политической репрезентации», обсуждающуюся в западной политической философии и политической теории с того времени, когда названный кризис был констатирован К. Шмиттом [22] (т. е. с конца 20-х гг. XX в.). Примерно к 90-м гг. XX в. «кризис» приобрёл статус *очевидности*: к «внутренним проблемам» государств-наций, утрачивающих (по Ж. Бодрийяру – всё быстрее) способность *символического представления* единства [об этом: 19] всегда в *действительности* разделённого на «политический народ» и «чернь» (Х. Арндт [7], Дж. Агамбен [1]) народа, прибавилась *глобализация*, снимающая национальные границы и делающая одновременно невозможной и бессмысленной репрезентацию народного единства в исключительной для европейской традиции форме «политической нации» [4]. Отказ от исключительности господствующей *натуралистической* «фундаменталистской стоицистской» традиции в западной политической философии и замена её «макиавеллистской» традицией, по мысли Анкерсмита [6], в горизонте которой и вы-

страивается им концепция «эстетической политической репрезентации», способны восстановить утраченное (и в некотором существенном смысле – необходимое) единство в двух аспектах. Во-первых, единство народа, если больше не как суверена (от идеи народного суверенитета, как «противоречивой» и «вредной», предлагала отказаться ещё Х. Арндт [7]), то как источника демократической легитимации власти. Во-вторых, *субстрата непрерывности опосредований*, необходимых для связи между «полномочиями» и «ответственностью», утраченной в сетевой форме организации глобальной власти. Выявить *смысл* и исследовать *возможности* концепции, предложенной Ф. Р. Анкерсмитом, одна из задач настоящей статьи; её решение предполагает сопоставительный анализ двух основных форм политической репрезентации, *миметической* и *эстетической*, в горизонте *представления политического* в двух *парадигмах*: парадигме «понятия политического» К. Шмитта [24] и либеральной версии «экономической парадигмы политического» (название дано Дж. Агамбеном [2]). Она безраздельно господствует на Западе (и в *реальности* понятия, задающего *направление, порядок* и *содержание* «рассуждений о политике» в политологии и (отчасти) в политической философии с XIX в., и в *действительности*) и, в неё и из неё Анкерсмит выстраивает свою концепцию «эстетической политической

репрезентации». Таким образом, поскольку речь идет о *смысле* и о *границах*, мы должны обратиться к *философскому истолкованию*, т. е. довести рассуждение до *очевидности* радикального («метафизического») понятия, в котором единственно, подчеркивает Шмитт [23], достигается *совмещение* «реального» и «действительного».

Представление политического и форма репрезентации

Нарушая последовательность нашего изложения в пользу *ясности*, определим исходным пунктом рассуждения *вывод: основным различием* между миметической (классической) политической репрезентацией, теория которой принадлежит К. Шмитту, и эстетической политической репрезентацией Ф. Р. Анкерсмита является утверждение необходимости в первом случае и абсолютное исключение во втором, того, что Шмитт называет *олицетворением*; данное различие с *необходимостью* следует из *противоположности* в представлении *политического* в двух западных парадигмах: *суверенное решение* и либеральное истолкование принципа *верховенства права* – *исключают друг друга*. Мы *вправе* выставить вывод в качестве *начала* изложения потому, что Анкерсмит *ясно* декларирует и последовательно придерживается *принципа* верности «необсуждаемым» (как он сам пишет: *базовым*) *либеральным ценностям*.

Шмитт утверждает, что «без репрезентации не существует никакого государства» [26, с. 42], причём всякий политический порядок есть, по Шмитту, правовой порядок, а всякое государство – правовое государство, безотносительно к тому, произвольно суженному, значению, в котором стали употреблять термин «правовое государство» в либеральном дискурсе (см.: [25, с. 80]). Репрезентация также необходима, как «тождество», если речь идёт о народе (которому с некоторых пор приписывается ещё «суверенитет») как «субстанции государства»: «Государство есть определенный статус народа, причем статус политическое единства. Государственная форма есть

особый вид этого единства. Субъект любого понятийного определения государства есть народ. Государство есть состояние, причем состояние народа» [26, с. 40–41]. Шмитт заключает: «Политическое единство народа как таковое никогда не может быть наличным в реальном тождестве, и, следовательно, оно всегда должно репрезентироваться людьми персонально» [26, с. 41] и «все различия подлинных государственных форм, какого бы рода они ни были – монархия, аристократия и демократия, монархия и республика, монархия и демократия и т. п., – могут быть сведены к этому решающему противоречию тождества и репрезентации» [26, с. 41]. «В действительности политической жизни также не существует государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа тождества, как и нет государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа репрезентации. Даже там, где предпринимается попытка безусловно реализовать абсолютное тождество, неизбежными остаются элементы и методы репрезентации, и наоборот, никакая репрезентация невозможна без представлений о тождестве. Обе эти возможности, тождество и репрезентация, не исключают друг друга, но являются двумя разнонаправленными ориентирами для конкретного формирования политического единства. Какой бы из них не перевешивал в любом государстве, все же они оба имеют отношение к политическому существованию народа» [26, с. 42].

Репрезентация *символически* «восстанавливает» и актуализирует / возобновляет *единство народа* (как мы сказали, всегда *разорванное*) в двух *репрезентирующих* фигурах: «главы государства» (пока это был *монарх* – *безусловно*; с выборным главой государства дело обстоит сложнее) и представительного органа – в парламенте: в том, что парламент репрезентирует единство народа (а не *частные* и *групповые* интересы), *до времени* существовало *согласие* между всеми, даже противоположными в остальном, *политическими доктринами*. Однако, именно здесь обнаруживается первое прин-

ципиальное *отличие* либеральной трактовки названного единства; мы должны зафиксировать и *истолковать* его: Шмитт утверждает, что интересы не могут быть репрезентированы, – Анкерсмит, напротив, считает, что репрезентируются именно интересы; это различие основывается на противоположных парадигмальных *представлениях* политического.

«Понятие политического» Шмитта фиксирует *нередуцируемость* политического как самостоятельной действительности, раскрывающейся в суверенном решении разделения «друг – враг»; это *экзистенциальное* решение, и как таковое является *личным*. Напротив, для «либеральной метафизики» характерен принципиальный редукционизм, в котором *политическое* разрешается в *мораль* и *право*, и сводится к *управлению*. Для понимания необходимости подобных «разрешений» следует *удерживать* суть экономической парадигмы политического и вместе с этим особенности либеральной трактовки *субъективизма* кантовской моральной и политической философии, в *коле* которой получает *значение* либеральный индивидуализм как *принцип*, фиксируемый таким образом: «С точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности» [11, с. 102]. Определяющей характеристикой кантовского субъекта является его разумность [12]; разумное самоопределение свободное и есть автономия субъекта; это, рассмотренное со стороны взаимодействия субъектов, есть то, что называется его *личностью*, которые в отношении разума тождественны и различаются лишь в *степени* (возраст, например: Кант о «совершеннолети» в работе «Что такое просвещение» [13]); *существенные различия* не могут быть устранены (для Канта: умалишённые, женщины, те, кто в силу своего положения лишен «самостоятельности» – этот «список» *изменяется*); возможно «свободное самоопределение субъекта ко злу» – это *преступ-*

ники (как враги глобального порядка они называются террористами, и против них ведётся «новая война» [16; 18]), исключённые из «сообщества разумных» и, значит, из политического сообщества; все остальные «свойства» субъекта («взрослого», «вменяемого», «самостоятельного») *случайны* (по отношению к разумности) и, в *конечном счёте*, сводимы к «автономному решению» (даже если социально-исторически определены, как, например, национальность [3; 19] – это есть *интересы*. Таким образом, «автономные субъекты», каждый из которых есть «неразложимый локус» западного индивидуализма, *тождественны* по сути, и различаются *интересами* и *направленностью* свободно самоопределяющейся воли. «Самоопределившиеся ко злу» есть *враги*, и они – «абсолютно исключённые» из *единственного* универсально разумного порядка [15]; остальные, различающиеся по *интересам*, для сохранения политического единства разумного порядка *должны* достичь *компромисса*, местом достижения которого Анкерсмит [5; 6] считает парламент (именно как «место для дискуссии» и «представления групповых интересов»), а политическую репрезентацию – механизмом формирования *представляющего интересы групп* места. Народ, таким образом, представлен через интересы входящих в него *ассоциаций*, которые, в свою очередь, есть результат свободного самоопределения автономных индивидов (в *конечном счёте*, разумеется) относительно вступления/принадлежности к таким группам/ассоциациям. «Органическое» и «субстанциальное» «народное единство» Шмитта – против *гражданской лояльности* в либеральной доктрине Анкерсмита. Сказанное выше, конечно, *схема*, но – *парадигмальная*.

Политика, таким образом, представлена как *управление интересами* и именно *так* вписана в экономическую парадигму политического, делая её в «современности» – специфически либеральной. Дж. Агамбен написал историю экономической парадигмы политического, возводя её к Аристотелю [подр. 6; 17]; нас в этой истории интересует её «финал», когда мировой

порядок *управляется* земной иерархией (отражением «небесной иерархии») по *закону*, установленному трансцендентным богом: управление понимается как *восстановление закона в отсутствие бога* и его «земного заместителя» – суверенного монарха, который становится ненужным и «упраздняется» вместе со своим *местом*; политический порядок конституируется вокруг «пустого места» (имеющего ключевое значение и в «эстетической политике» Ф. Р. Анкерсмита). «Земная иерархия» *безличного управления* получает свою завершённую форму в *бюрократии*, когда «порядок пустого места» управляется способом, тождественным «управлению предприятием» (М. Вебер [8]) по *безличным* правилам: в либерализме *признана* концепция «автоматического осуществления права» Кельзена [14].

Таким образом, мы имеем *представление*: о «пустом месте» как центре политического порядка; о народе, лишённом «субстанциальности»; об автономном самоопределяющемся разумном индивиде как «неразложимом локусе»; о гражданской лояльности как условии «единства народа»; о политике как управлении интересами; об «автоматизме права», принцип «верховенства» которого означает *исключение* суверенного решения; о безличном *бюрократическом управлении* – в либеральной версии экономической парадигмы политического. Именно в этом горизонте эстетическая политическая репрезентация приобретает своё *необходимое значение*.

«Классическая» политическая репрезентация

Следует вернуться к «классической теории» политической репрезентации, к её наиболее полной и последовательной шмиттовской версии, чтобы определить, чем такая репрезентация *невозможна и неприемлема* с точки зрения «либеральной метафизики», и почему её замена эстетической политической репрезентацией Анкерсмита полагается *обязательным условием* сохранения *либерального политического порядка*.

Шмитт считает, что условием понимания того, чем является политическая репрезен-

тация (разумеется, в парадигме «понятия политического»), является намерение «очистить от смешения с другими понятиями, такими как поручение, замещение, управление делами, комиссия, доверительное управление и т. п.» [26, с. 45], т. е. от частно-правовых и экономических представлений. Репрезентация в этом смысле – не «вещное понятие»; «в идее репрезентации сильна мысль о личном авторитете, как репрезентант, так и репрезентированное должны утверждать личное достоинство» [25, с. 77]; «в эминентном смысле репрезентовать можно только лицо, а именно, – в отличие от простого представительства – авторитетное лицо или идею, которая, коль скоро она репрезентируется, также и персонифицируется» [25, с. 77]; «репрезентация сообщает лицу репрезентанта собственное достоинство, ибо репрезентант высокой ценности не может быть не ценным» [25, с. 77]. Это – прямо противоположно тому, что утверждает Анкерсмит.

Далее, Шмитт относит к понятию репрезентации следующее. Первое. Репрезентация публична; «нет репрезентации, которая происходит тайно между собой; нет репрезентации, которая была бы частным делом» [26, с. 46]. Любые сделки между партиями, представленными в парламенте, (тайные и явные, при формировании правительства, в практике законотворчества и т. п.) не имеют репрезентативного характера. У Анкерсмита в парламенте именно «заключается сделка» относительно согласования интересов в *компромиссе*.

Второе. «Репрезентация является не нормативным процессом, методом или процедурой, а чем-то экзистенциальным» [26, с. 48]; репрезентировать означает «сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия» [26, с. 48], притом не «какого-то бытия», не частного, но именно «возвышенного бытия, способного на вознесение в общественное бытие, на экзистенцию» [УоК, с. 48]. «В репрезентации происходит конкретное проявление высшего вида бытия. Идея репрезентации

основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного существования какой-либо совместно проживающей группы людей» [26, с. 49]. В эстетической политической репрезентации всё обстоит противоположным образом и речь идёт только о публичности «частного бытия».

Третье. Репрезентация – именно политическая репрезентация, так как в своей сущности она «является чем-то экзистенциальным» [26, с. 51]. Легитимность относится к области нормативной, и в этом смысле «легитимность и репрезентация суть два полностью различных понятия» [26, с. 51–52]. Задачей эстетической политической репрезентации Анкерсмит полагает демократическую легитимацию власти.

Четвертое. «Репрезентируется политическое единство как целое» [26, с. 52]; правительство, в этом отношении, «отличается от управления или ведения дел тем, что отображает и конкретизирует духовный принцип политического единства» [26, с. 52]. Таким образом, «не любой произвольный орган является репрезентантом» [26, с. 52]; партии, профсоюзы, другие подобные организации могут рассматриваться как репрезентанты, но не на уровне политического единства – государства. Шмитт строго различает репрезентацию и представительство частных интересов, которые неразделимы в экономической парадигме политического просто в силу того, что политика понимается как *управление интересами*.

Пятое. «Репрезентант независим, а потому не является ни функционером, ни агентом, ни комиссаром» [26, с. 53]. В эстетической политической репрезентации это тоже так, но в *совершенно другой связи и с другим смыслом*, чем у Шмитта.

Шестое. «Персональное начало государства заключается не в понятии государства, а в репрезентации» [26, с. 56]. В этом отношении монархический принцип [27] (или принцип вождя, но с этим у современной политической философии и теории свои счёты) является незаменимым. Глава государства у

Анкерсмита понимается «по японской модели», как «пустое место – японский император»; *auctoritas*, которая ему приписывается, интерпретируется как *абсолютная пассивность*: «японский император – ребенок», *не способный к решению*. *Potestas*, управление, – безлично, и «глава управленческой иерархии» есть точно такой же *бюрократ*, как любой находящийся у него в подчинении чиновник.

Седьмое. Государство как политическое единство основано на двух полярных принципах – принципе тождества («а именно тождества присутствующего народа с самим собой как политическим единством, если он в силу собственного политического сознания и национальной воли обладает способностью различать друга и врага» [26, с. 56]) и принципе репрезентации. Шмитт считает последовательно демократическим принцип тождества и утверждает, что «последовательное преувеличение обычно существующего лишь как теоретическая абстракция принципа тождества опасно для политического существования народа потому, что следствием этого является то, что народ из состояния политического единства опускается в дополитическое состояние, ведёт только культурное, экономическое или вегетативное существование, служа другому, политически активному народу» [26, с. 57]. Максимум репрезентации же означает максимум правительства, и «опасность этого состояния заключается в том, что игнорируется субъект политического единства – народ, а государство, которое никогда не есть что-то иное, нежели народ в состоянии политического единства, лишается своего содержания. Тогда это было бы государством без народа» [26, с. 57–58].

Эстетическая политика (политическое как метафора) и эстетическая политическая репрезентация

Именно пятая, шестая и седьмая «характеристики», которые даёт Шмитт политической репрезентации, *перетолковываются* в анкерсмитовской теории «эстетической политической репрезента-

ции» таким образом, что она становится незаменимой для либерального политического порядка.

Вопрос об «организации пустого места» и «верховой власти ребенка» следует исключить из нашего настоящего рассмотрения (мы делаем это в другой работе: [21]); нас интересуют *значение*, которое Анкерсмит придаёт репрезентации народа как ассоциации на основе гражданской лояльности, и необходимо следующее из него *радикальное разделение* между репрезентируемым таким образом народом и его *представителем-репрезентантом* – суть либерального понимания представительной демократии. «Спасение» либеральной демократии, которое, как мы сказали, определяется Анкерсмитом задачей «эстетической политической репрезентации», раскрывается, во-первых, как исключение «олицетворений» и обеспечение «верховенства права» и, во-вторых, как исключение «прямой демократии» в пользу демократии «представительной», – два «аспекта» либерального представления демократического политического порядка.

Анкерсмит утверждает, что *политическое* в перспективе «сохранения демократии» должно быть представлено *эстетически*; речь пока идет не о *редукции*, но об *аналогиях*. Он утверждает: «Демократия есть политическая система, которая удовлетворительно работает только в том случае, если общество разделено и содержит противоположность в себе ... Цель демократии состоит в достижении путем примирения всех значимых противоположностей такого политического порядка, в котором она сама осудит себя как бесполезную политическую конструкцию» [6, с. 177]. Но речь идет именно о противоположности интересов. Тогда, в перспективе наличности противоположных интересов: «Только благодаря эстетической репрезентации индивид становится микрокосмом всего политического порядка, отражаемого его «я»; иначе он не настоящее *zoon politicon*. Вопреки нашей интуиции и сильной республиканской традиции прямая демократия подавляет готовность

гражданина признать присутствие этого политического макрокосма. Опять же вопреки тому, что стало общим местом в политической философии, гражданин, который голосует за представителя, – потенциально лучший и более ответственный гражданин, чем гражданин при прямой демократии, который может позволить себе оставаться политической партией из одного человека» [6, с. 77]; и: «репрезентация – не инструмент для решения практической проблемы собирания всех граждан вместе, не замена прямой демократии за неимением лучшего, она есть необходимая и единственно конституционная процедура создания политической власти, нужная для решения наших сложнейших политических и социальных проблем» [6, с. 72].

Исходное (в отношении теории политики) утверждение Анкерсмита может быть определено так: в реальности (социальной в самом широком смысле, политической) фундаментальное значение имеет / должна иметь не однородность (ни как данность, ни как идеал, ни как регулятивная идея) но неустранимый (и, более того, не подлежащий попыткам устранения, так как это приведёт к бесконечным негативным последствиям) разлом. Разорванность политической реальности, отсутствие «непрерывности между правителем (или представителем) и его подданным (или представляемым)» [6, с. 12] и необходимость вследствие этого репрезентации как способа создания и удержания политического – смысловой центр эстетической политической философии Анкерсмита. Вопрос именно в том, каким образом истолковывать данный разлом – только потому, что индивиды суть разумные, то есть в «субстанциальном смысле» тождественные, этот разлом может быть представлен эстетически. Во-первых, *созданные* различия (Анкерсмит неоднократно подчёркивает, ссылаясь на Данто, например, что «мы знаем не только тривиальную истину, что всякая репрезентация есть представление реальности. Он (Данто) также побуждает нас принять во внимание более интересную точку зрения, согласно которой

нечто реально, когда оно соответствует собственной репрезентации, точно так же как нечто становится носителем имени, когда его называют именем» [6, с. 67]) могут быть эстетически представлены.

Во-вторых, первенство репрезентации есть причина, по которой мы в ней нуждаемся, «находим в ней необходимый инструмент обретения своего пути в реальности» [6, с. 58]; истинная репрезентация просто бесполезна (даже если бы она была возможна), Анкерсмит пишет, что это как если бы на наш запрос о способе интерпретации текста нам вручили сам текст. Тезис формулируется Анкерсмитом так: «Неверно, что политическая реальность сначала дана нам, а потому репрезентируется; политическая реальность возникает только после репрезентации и благодаря ей» [6, с. 67]. Это совсем не значит, что «репрезентация создает реальность» [6, с. 67]; это значит, что «реальность как таковая не существует до того момента, пока не появится её репрезентация. Идея в том, что реальность в собственном смысле слова не существует, пока мы не помещаем ее, так сказать, перед собой на некотором удалении, а это достигается в репрезентации и благодаря ей» [6, с. 67].

Политическая реальность, таким образом, не есть нечто, что дано нам «позитивно», но возникает вместе с репрезентацией, можно утверждать, что «именно для этого она и нужна: поскольку со стороны представляемого народа нет объективно данного предложения политического действия и поскольку ожидание его существования было бы категориальной ошибкой, нам нужна репрезентация, чтобы мы имели возможность определить такие предложения. Репрезентация получает свои цель и значение благодаря неопределенному и по-разному истолковываемому характеру реальности, которая репрезентируется» [6, с. 66]. Вообще: «Замена единства (идентичности) представляемого на то, что его представляет, – главный момент любой политической репрезентации. Более того, именно в этом нужно усматривать пользу и функцию репрезентации: представле-

ния – это «имитации» реальности, позволяющие нам высказываться о реальности в их логике. Но поскольку замена реальности не сама реальность, репрезентация способна прояснить для нас определенные аспекты реальности, которые скрыты либо трудноразличимы в самой реальности, – и это одно из главных преимуществ репрезентации над реальностью или верным описанием реальности» [5, с. 193].

Политическая репрезентация перспективна и метафорична, множество возможных точек зрения и перспектив нередуцируемы, они позволяют «сохранить» и представить разрыв и множество, т. е. одновременно хранить и политику, и демократию; «перспективы – это атомы политического универсума репрезентации» [5, с. 236]. Репрезентация предпочтительна при определении реальности и в искусстве, и в политике. В искусстве реальность отождествляется «не с физическим бытием представленного, но с перспективами, открываемыми репрезентацией» [5, с. 236]. В политике же «политическую реальность нельзя отождествлять с гражданами, институтами и так далее, поскольку они существуют до или независимо от процессов репрезентации; только когда у граждан, институций, политических партий и всех прочих складываются представления друг о друге, они начинают воспринимать друг друга из некоторой перспективы, возникает сцена для интеракции, которую можно назвать политической реальностью» [5, с. 236]. А значит, «политическая реальность возникает лишь после того, как репрезентация так или иначе конституционно оформлена в нации или государстве. Следует воздать хвалу и честь представительной демократии, поскольку очевидно, что именно эта система правления наиболее успешно придает действительную конституционную форму необходимым условиям репрезентации» [5, с. 236].

«Перспективность» позволяет удерживать как действительность то, что Шмитт определил как «сущность либеральной метафизики»: бесконечную публичную дискуссию – вне горизонта истины и реше-

ния; политика занимается не истиной, но организацией истины: «репрезентация занимается "организацией истины", а не самой истиной», и «проблему репрезентации нельзя редуцировать к проблеме истины» [5, с. 241]. Не норма и не факт (Анкерсмит дал своей книге «Эстетическая политика» подзаголовок «по ту сторону факта и ценности»), но «внутренний голос наших представлений друг о друге конституирует калейдоскопическую природу политической реальности» [5, с. 204]. Всё сказанное отсылает к эстетике (эстетическая репрезентация) и истории (историческая репрезентация) [9; 10], с которыми политическая репрезентация схожа до неразличимости. Параллелью между политической репрезентацией и эстетической является то, что «ни одна из них не побуждает ни к эмпирическому подходу, ориентированному на факты, ни к этическому» [6, с. 38]; в обоих случаях «правильность репрезентации всегда остается предметом споров и никогда не может быть объективно установлена в том смысле, в каком мы можем определить фактическую истинность суждения» [6, с. 38]; и в том, и в другом случае «спор о правильности репрезентации представляется более важным – представляется более необходимым условием эстетического и политического успеха, нежели согласие относительно «правильной» репрезентации, будь то политическая или художественная» [6, с. 38]; и в эстетической, и в политической репрезентациях «значимость нормативного, или этического, измерения сразу сводится на нет эстетическим изменением» [6, с. 38].

Шмитт считает, что единство народа (со стороны его «тождества») в демократиях репрезентируется в *фигуре вождя* посредством *аккламации*; это утверждение дало повод к многочисленным политическим нападениям (которые отчасти можно считать обоснованными): *обстоятельства времени*, в которое Шмитт обосновывал такое понимание, обусловили *форму* («принцип фюрерства»), неприемлемую не только для *либералов*, но для всех *противников* конкретного *преступного режима* (справед-

ливости ради следует отметить, что такая его оценка утвердилась *ретроспективно*). Но у Шмитта речь идёт не о «режиме», или не только о нём, но о «радикальном понятии» политической теологии – Дж. Агамбен, например, характеризует шмиттовскую концепцию аккламации [2], считает нужным уклониться от политических оценок. Либеральная мысль озабочена тем не менее устранением даже *возможности* подобного «развития событий»; это означает, что *недопустимость олицетворений* подкреплена *политическим императивом*, – в эстетической политике *политическое* представлено как принципиально *плюралистичное*, а *олицетворения* («отождествления») заменяются эстетической репрезентацией.

Что же касается «недопущения» прямой демократии и необходимости «эстетического» представления политики, Анкерсмит прибегает здесь к следующим аргументам.

Первая группа. Анкерсмит указывает, что «прямая демократия», также как и теократия, монархия, аристократия, «всегда обосновывалась с помощью фундаменталистской аргументации» [5, с. 263], что если прямо не делает её «подозрительной», то предполагает изучение возможности её обоснования в «новом горизонте» оснований либеральной метафизики. Далее он прибавляет, что эстетическая репрезентация устанавливает «максимально широкий», очерченный границами всего данного политического сообщества контекст: «частная точка зрения» (частный интерес), будучи репрезентирована, становится публичной (признанной со стороны сообщества как единства) в соотношении с *другими*. Прямая демократия, считает Анкерсмит, исключает подобный контекст, и поэтому «прямая демократия лучше всего подходит для решения таких проблем, которые сравнительно легко можно изолировать от широкого контекста» [5, с. 147].

Вторая группа. Распространившаяся на всё политическое сообщество прямая демократия прямо называется

Анкерсмитом *бесчестной*: она *эгоистична, неводержанна* и даже *разрушительна* – для политического единства. Анкерсмит пишет: «Прямая демократия подавляет готовность гражданина признать присутствие политического макрокосма» [6, с. 77]; гражданин в прямой демократии не преодолевает своей «частности» и «может позволить себе оставаться гражданином одной партии» [6, с. 77]. Прямая демократия, по Анкерсмицу (и здесь следует вспомнить и Шмитта), есть форма для «непосредственного тождества» народа, согласного с «самим собой»; она исключает конфликт, вернее, полагает «конфликт интересов» *несущественным* с точки зрения принципиального тождества «народа как такового», – для либерального представления народа это и недопустимо, и преступно (недопустимо потому, что «подавляет частный интерес»; преступно, так как народ выставляется естественным, даже священным единством – и *возможно* олицетворяется *вождём*, который почти всегда выдвигается прямой демократией, – *аккламация*). Анкерсмит пишет: ««Бесчестная» прямая демократия игнорирует конфликт и наивно верит в некую предустановленную гармонию в политической сфере» [6, с. 401]. Наконец, эгоизм и «вера в гармонию» ведут к неводержанности: «Прямая демократия «бесчестит» демократию, отдавая ее во власть неограниченных, беспредельных желаний коллективного политического «либидо». Игнорируя трения и конфликты, она поощряет главный классический политический порок – неводержанность. Как верно заметил Макиавелли, политическое тело, не знающее напряжений, трений и конфликтов (или боящееся их), сначала пойдет по пути неограниченного, произвольного самоудовлетворения, а потом превратится в множество несвязанных друг с другом эгоистичных индивидов, преследующих собственные интересы» [6, с. 401]. Конечно, возможно пойти и по пути *самопожертвования*, но с либеральной точки зрения это будет ещё хуже.

Третья группа. Народ не «знает себя» и не «понимает» своих «подлинных интересов» – он узнаёт обо всём этом *впервые* через свои репрезентации; это означает, что народ, особенно там, где возможно его *непосредственное единство* (тождество), должен быть *максимально удалён* от *решений*: как о целом политическом порядке, так и в особенности *о себе самом* – мы привели слова Анкерсмита с сочувственной ссылкой на Макиавелли, что *правитель лучше* (а *правильнее* здесь – *исключительно*) понимает народ. Гомогенное единство безличного политического порядка, репрезентированное как разделённое интересами множество, восстанавливается в политической репрезентации как *прогрессивное движение* (управление) посредством *компромиссов* в либеральной представительной демократии. Политическая репрезентация, таким образом и вопреки утверждению Шмитта, *является здесь* способом *демократической легитимации* *обезличенной власти*.

Заключение

Итак, мы получили два *радикальных метафизических* понятия политической репрезентации, *тотально различных* и относящихся к двум парадигмам *политического* в западной политической философии. Нашей задачей является не *давать им оценки*, но лишь указать границы области их значимости – это одновременно означает (вопрос о суверене / пустом месте) переход в область онто-теологии; для политической философии пределом является констатация, которая и есть вывод проведённого анализа: *выбор* между двумя парадигмами есть всегда уже принятое *решение*, которое в экономической парадигме политического *некому принимать* и для которого в представленном в ней политическом порядке *нет места*, – но это, как мы сказали, тематизируется в политической онто-теологии как «вопрос о суверене и решении» и находится вне предмета настоящего исследования.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб: Издательство Института Гайдара: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
3. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
4. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
5. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
6. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета -- Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
7. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.
9. Демин И. В. История и миф в философской концепции Франка Анкерсмита // Альманах современной науки и образования. 2016. № 11 (113). С. 47–49.
10. Демин И. В. Проблема соотношения исторического опыта и исторического нарратива в постметафизической философии истории // Клио. 2014. № 8 (92). С. 3–6.
11. Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
12. Кант И. Критика практического разума: в 8 т. Т.4. М.: Мысль, 1994. С. 373–565.
13. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение?: в 8 т. Т. 8, М.: Чоро, 1994. С. 29–38.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
16. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
17. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография. Кн. 1. Глобальная перспектива и государство-нация суверенного народа в экономической парадигме политического / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Издательство БГТУ, 2020. 727 с.
18. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография. Кн. 2. Генезис мирового имперского порядка в экономической парадигме политического / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Издательство БГТУ, 2020. 752 с.
19. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.
20. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.
21. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Пустое место» как «средостение» политического порядка в экономической парадигме политического // Общество и власть: социально-экономические аспекты и публичная политика / под ред. Е. Н. Чижовой. Белгород: Издательство БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. С. 21–58.
22. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
23. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
24. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
25. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 60–170.
26. Шмитт К. Учение о конституции // Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2010. С. 33–236.
27. Cristi R. Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle // Constellations. Vol. 18. № 3. 2011. P. 353–364.

REFERENCES

1. Agamben J. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.
2. Agamben J. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: On the Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow, St. Petersburg, Institut Gaidara Publ.; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU Publ., 2018. 552 p.
3. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. [«Civic nation» and a sovereign nation: study of the need for a national form of political unity]. In: *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences], 2020, no. 5 (114), pp. 24–31.
4. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. [Sociological and historical discourse of the nation: method and structure]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences], 2020, no. 4 (208), pp. 4–14.
5. Ankersmit F. R. *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow: GU VShE Publ, 2012. 288 p.
6. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: GU VShE Publ., 2014. 432 p.
7. Arendt H. *O revolyutsii* [On revolution]. Moscow: Evropa Publ., 2011. 464 p.
8. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. T. 4. Gospodstvo* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. Vol. 4. Domination]. Moscow, GU VShE Publ., 2016. 542 p.
9. Demin I. V. [History and myth in the philosophical concept of Frank Ankersmit]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2016, no. 11 (113), pp. 47–49.
10. Demin I. V. [The problem of the relationship between historical experience and historical narrative in post-metaphysical philosophy of history]. In: *Klio* [Clio], 2014, no. 8 (92), pp. 3–6.
11. Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 288 p.
12. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of practical reason]. In: Kant I. *Sochineniya. T. 4* [Collected works. Vol. 4]. Moscow, Mys' Publ., 1994, pp. 373–565.
13. Kant I. *Otvet na vopros: Chto takoe prosveshchenie?* [Answer to the question: What is enlightenment?]. In: Kant I. *Sochineniya. T. 8* [Collected works. Vol. 4]. Moscow: Choro Publ., 1994. pp. 29–38.
14. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. St. Petersburg: Alef-Press Publ., 2015. 542 p.
15. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. [Discourse of «anti-terrorist war» and fair, that is, total war]. In: *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
16. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. In: *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2020, no. 4, pp. 70–80.
17. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L., Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voiny i global'nogo imperskogo poryadka. Kn. 1. Global'naya perspektiva i gosudarstvo-natsiya suverennogo naroda v ekonomicheskoi paradigme politicheskogo* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order: monograph. Book 1. Global perspective and the nation-state of a sovereign people in the economic paradigm of the political]. Belgorod: BGTU Publ., 2020. 727 p.
18. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L. and Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voiny i global'nogo imperskogo poryadka: monografiya. Kniga 2. Genезis mirovogo imperskogo poryadka v ekonomicheskoi paradigme politicheskogo* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order. B. 2. Genesis of the world imperial order in the economic paradigm of the political]. Belgorod: BGTU Publ., 2020. 752 p.
19. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L. [Modern political philosophy and the «myth of the nation» by K. Huebner]. In: *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 10 (149), pp. 472–476.
20. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2020, no. 1, pp. 55–64.
21. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. [«Empty place» as a «mediastinum» of the political order in the economic paradigm of the political]. In: *Obshchestvo i vlast': sotsial'no-ekonomicheskie aspekty i publichnaya politika* [Society and power: socio-economic aspects and public policy]. Belgorod, BGTU im. V. G. Shukhova Publ., 2020. pp. 21–58.
22. Shmitt K. [Spiritual and historical condition of modern parliamentarism]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, pp. 93–170.

23. Shmitt K. [Political theology] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. pp. 5–59.
24. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280–408.
25. Shmitt K. *Rimskii katolitsizm i politicheskaya forma* [Roman Catholicism and Political Form]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 60–170
26. Shmitt K. *Uchenie o konstitutsii* [The doctrine of the constitution]. In: *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and Political Form]. Moscow, GU VShE Publ., 2010. pp. 33–236.
27. Cristi R. Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle. In: *Constellations*, 2011, vol. 18, no. 3, pp. 353–364.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

Ломako Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова;
e-mail: parmenid@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political sciences), Ass. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – Senior Lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University;
e-mail: parmenid@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломako Л. Л. Политическая репрезентация в горизонте двух парадигм политического: «олицетворение» и «автоматизм правил» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. Political Representation in the Horizon of Two Paradigms of the Political: "Personification" and "Automatism of Rules". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-51-63